

Олег Чуманов

Петляющая любовь

<https://litres.ru/74683313>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чужая магия для герцога Дариана Рейна — раскалённое железо. Любое прикосновение одарённого сжигает его изнутри, и единственный способ выжить — взять в жёны девушку, в чьих жилах нет ни единой колдовской искры. В мрачный северный замок Вальдхорн приезжают две сестры. Младшая — чистая, бесхитростная, способная одним касанием унять чужую боль. Старшая — тайная волшебница, чей дар спрятан под серебряными обручами и чья гордость острее клинка. Рядом с ними — мастер-артефактор, годами хранящий чужие секреты и собственное молчаливое чувство. Одна ложь во спасение связывает всех четверых в тугой узел. В замке, где за улыбками прячутся заговоры, а песочные часы отмеряют остаток жизни, слишком легко принять азарт за страсть, тихую нежность — за смирение, а настоящую любовь не узнать даже в двух шагах от себя. Но когда проклятие сорвётся с цепи, чужие слова больше никого не спасут.

Содержание

Глава 1. Серебро на запястьях	5
Глава 2. Нить шёпота	28
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олег Чуманов

Петляющая любовь

роман

Петляющая любовь

. . .

Любовное фэнтези

Глава 1. Серебро на запястьях

Лунное серебро на запястьях холодило кожу даже сквозь тонкую замшу перчаток. Эсма сжала пальцы, проверяя затвор: парные обручи с пластинами чёрного обсидиана сидели плотно, намертво запирая внутри её собственный дар. За узким окном кареты валил мокрый северный снег, облепляя еловые лапы и чёрные базальтовые валуны тракта, а в воздухе уже висел едва уловимый, сухой привкус жжёного камня и грозовой меди — верный знак того, что дорога поднимается к разлому древнего Источника. Замок Вальдхорн ещё не показался из-за сизой пелены тумана, но его дыхание уже давило на виски.

— Эмеральда, выпрями спину и перестань теребить кружево, — баронесса Агата де Лавьер грузно качнулась на бархатных подушках, когда колесо подпрыгнуло на выбоине, и перья на её дорожном чепце угрожающе дрогнули. — Герцог Рейн не станет ждать, пока ты соберёшься с духом. Запомни главное: опусти ресницы, улыбайся мягко и не вздумай рассуждать о вещах, в которых девице твоего положения смыслить не положено. Мужчины его круга устают от умниц ещё в столице. Им нужна тихая гавань, а не учёная сова в юбке.

На последнем слове тётушка выразительно покосилась на Эсму, словно та уже успела вытащить из дорожного саквояжа трактат Высшей Коллегии и зачитать его кучеру.

Эсма даже бровью не повела. Откинувшись в угол кареты, она лениво поправила воротник тёмно-зелёного плаща и скользнула взглядом по лицу младшей сестры.

Эма сидела напротив, у самого окна, и бледный свет северного полдня путался в её золотисто-каштановых локонах. Даже после четырёх дней тряски по горным перевалам она выглядела так, словно сошла со старинного гобелена в королевской галерее Аурелии: тонкий овал лица, полуопущенные пушистые ресницы, нежный румянец на щеках от волнения. Природа отдала младшей сестре всю мыслимую прелесть, словно извиняясь за то, что не вложила в её кровь ни единой эфирной искры.

— Я помню, тётушка, — тихо отозвалась Эма, послушно складывая ладони на коленях. Голос у неё дрогнул, но в широко раскрытых глазах стоял такой чистый, трепетный блеск, что у Эсмы в груди привычно и тревожно кольнуло. — Просто... говорят, замок стоит на самом краю скалы, а его светлость не выносит даже света артефактных ламп. Должно быть, ему очень одиноко в этой темноте.

— Ему не одиноко, милочка, ему больно и он баснословно богат, — отрезала баронесса Агата, обмахиваясь сложенным веером, хотя в карете с остывающей грелкой было отнюдь не жарко. — И благодари небеса, что его недуг требует невесту без капли ведовства в крови! В Аурелии знатные невесты кичатся своими огненными венцами да эфирными плетениями, а тут твой изъян впервые за девятнадцать лет

обернулся чистым золотом. Если герцог подпишет Контракт Крови, мы выкупим закладные на Изумрудный Лог прежде, чем в наших яблоневых садах облетит листва.

— Эма не товар на столичной ярмарке, тётушка, — негромко заметила Эсма.

В её голосе не было нажима, только сухая, отточенная прохлада, от которой баронесса тут же поджала губы.

— А ты бы помолчала, Эсмеральда! — фыркнула Агата, поправляя шаль на пышном бюсте. — Тебя взяли в эту поездку исключительно как старшую сестру и компаньонку, потому что на приличную камеристку у нас не осталось ни кроны. И смотри у меня: держи свои руки при себе, а язык — за зубами. Если в замке прознают, что под твоими перчатками прячется дар Прядильщицы, да ещё такого толка, нас не то что со двора прогонят — под трибунал Коллегии отдадут за сокрытие ведовства в доме высшего лорда!

— Чтобы прознать, нужно уметь смотреть глубже чепца с фазаными перьями, — парировала Эсма, чуть наклонив голову. — Не тревожьтесь, дорогая тётушка. Я буду самой кроткой тенью во всём Северном пределе.

Агата хотела ответить чем-то язвительным, но в этот миг экипаж круто взял на подъём, и за мутным стеклом расступились вековые ели.

Эма ахнула, прильнув к окну.

Над свинцовой гладью горного озера, вгрызаясь башнями в низкие снеговые тучи, выросал Вальдхорн. Тёмно-серый

камень стен, сложенных ещё в эпоху Первых Источников, лоснился от сырости. Высокие стрельчатые арки, узкие бойницы, тяжёлые контрфорсы над обрывом и острый шпиль Часовой башни, вокруг которого кружили вороны. Замок не красовался, как белокаменные дворцы Аурелии, — он сторожил ущелье, суровый и неприступный, точно старый воин в потемневших латах.

А для Эсмы, даже сквозь глухую защиту лунного серебра, Вальдхорн открылся иначе. Стоило экипажу въехать на каменный мост над пропастью, как воздух за окном едва заметно задрожал, словно натянутый на раму тончайший шёлк. Из глубины скалы, из самого чрева земли под замком, поднимались незримые для обычных глаз Нити Эфира — густые, тугие, но странно изломанные. Там, где вокруг обычного родового гнезда высших магов сплетался ровный золотистый купол, над Северным крылом Вальдхорна висела рваная багровая мгла.

Обсидиан на левом запястье Эсмы ощутимо потеплел, впитывая чужое давление.

Кованые решётки ворот с протяжным скрежетом поползли вверх. Копыта лошадей гулко застучали по брусчатке внутреннего двора, вымощенного тёмным плитняком. Здесь не горело ни единого эфирного фонаря — в железных скобах у массивного крыльца трещали настоящие смоляные факелы, разбрасывая по мокрому снегу багровые блики и густой запах сосновой гари.

Когда дверца кареты распахнулась и лакей в чёрно-серебряной ливрее герцогства Рейн откинул подножку, Эсма вышла первой, намеренно заслонив сестру от порыва ледяного ветра.

На верхних ступенях крыльца уже стояли встречающие.

Первым в глаза бросался высокий, моложавый господин лет пятидесяти в бархатном камзоле цвета воронова крыла, подбитом собольим мехом. Седые виски, безупречная осанка, мягкая, почти отеческая полуулыбка на тонких губах — и совершенно неподвижные, холодные глаза, оценивающе скользнувшие по поношенному бархату тётушкиного салопы и скромному дорожному платью Эмы. Лорд Малком Вейн, двоюродный дядя герцога и первый советник Северного предела.

Чуть поодаль, на нижней ступеньке, опершись плечом о каменную балюстраду, стоял молодой мужчина в тёмной куртке тонкого сукна без единого придворного галуна. Ветер трепал его русые, слегка растрёпанные волосы; на лацкане поблёскивал лишь скромный серебряный значок артефакторского цеха. Но Эсма узнала бы этот наклон головы и тонкие, чуткие пальцы мастера-ювелира даже с закрытыми глазами.

Юван.

Его тёплые янтарные глаза встретились со взглядом Эсмы на долю секунды — ровно настолько, чтобы она уловила в них тревогу, скрытую за вежливым спокойствием, и едва за-

метный кивок: *«Защита держит. Не выдай себя»*.

— Баронесса де Лавьер, — голос лорда Малкома зазвучал бархатисто и размеренно, легко перекрывая шум ветра. Он плавно спустился на две ступени и склонил голову. — Замок Вальдхорн приветствует вас и ваших очаровательных племянниц. Дорога через перевал в это время года — суровое испытание для нежных столичных цветов.

— О, милорд Вейн, ради священного долга перед родом Рейн мы готовы терпеть любые лишения! — баронесса Агата расплылась в самом парадном из своих реверансов, едва не поскользнувшись на обледенелой плиточке. — Позвольте представить мою младшую племянницу, леди Эмеральду. И старшую — Эсмеральду, она сопровождает сестру.

Эма присела в глубоком, грациозном поклоне. Когда она подняла голову и капюшон плаща соскользнул с её светлых локонов, даже невозмутимый лорд Малком на мгновение задержал на ней взгляд. В его змеиных прищуренных глазах мелькнуло откровенное удовлетворение: такая хрупкая, робкая красавица из разорившегося южного поместья явно не представляла угрозы его порядку в замке.

— Воистину, слухи о красоте южных роз не преувеличены, — мягко произнёс Малком, но тут же перевёл взгляд на Эсму, и улыбка его стала тоньше. — Мейстер Юван, проверьте, пожалуйста, артефактный контур у входа. Как вы знаете, здоровье моего дорогого племянника не терпит ни малейших эфирных возмущений. Даже случайный бытовой

амулет для согрева рук в кармане гостя может обернуться бедой.

Это была проверка — вежливая, будничная и смертельно опасная.

Баронесса Агата побелела под слоем пудры, а Эма испуганно покосилась на сестру. Но Эсма лишь спокойно шагнула вперёд, навстречу Ювану, и протянула обе руки ладонями вверх.

— Разумеется, милорд, — ровно ответила она, глядя прямо в глаза советнику. — В нашем роду слишком хорошо знают цену тишине.

Юван подошёл вплотную. От него пахло нагретым серебром, кедровой смолой и тем неуловимым, родным теплом, которое раньше всегда означало для Эсмы безопасность их старой мастерской. Он достал из кармана плоский кварцевый диск в медной оправе и провёл им над ладонями Эмы — камень остался прозрачным, как ключевая вода. Даже естественное тусклое свечение, свойственное обычным людям со слабым фоном, вблизи Эмы исчезло без следа.

Затем Юван перенёс диск к запястьям Эсмы.

Под замшей перчаток обсидиановые пластины нагрелись сильнее, глухо, почти неощутимо для чужих ушей загудев в ответ на близость своего создателя. Кончиками пальцев Юван будто невзначай коснулся края её манжеты, снимая излишек статического натяжения на себя, и кварцевый диск в его руке остался совершенно тёмным и мёртвым.

— Ни единого плетения, милорд Вейн, — негромко произнёс Юван, убирая инструмент и отступая на полшага. Его лицо оставалось непроницаемым лицом придворного мастера, и только чуть сжатая линия губ выдавала, чего ему стоило это спокойствие. — Ни бытовых чар, ни накопителей. Фон обеих леди абсолютно тих.

— Превосходно, — лорд Малком благосклонно кивнул и жестом пригласил дам внутрь. — Прошу за мной. Его светлость ожидает леди Эмеральду в Малом каминном зале Северного крыла. Сегодня приступ начался раньше обычного, и мейстер Корнелиус полагает, что откладывать встречу неразумно.

Тяжёлые дубовые двери сомкнулись за их спинами, отсекая вой ветра.

Внутри замок встречал полумраком и гулкой, настороженной тишиной. Своды галерей поддерживали колонны из чёрного гранита, а вместо привычных парящих сфер вдоль стен тянулись кованые канделябры с толстыми восковыми свечами. Пахло старым воском, сушёным чабрецом, которым натирали дубовые панели, и холодным камнем. Слуги, попадавшие навстречу, двигались бесшумно, точно тени, и ни от одного из них не исходило ни малейшего эфирного колебания — все они были «глухими», тщательно отобранными для службы в Тёмном крыле.

Чем дальше они углублялись в Северный предел замка, тем сильнее Эсма чувствовала чужую боль, разлитую в са-

мом воздухе. Она не видела её глазами, но её редкий дар Плетельщицы отзывался на искажение эфира глухой лomotой в кончиках пальцев. Где-то за массивными стенами бушевал настоящий шторм, загнанный в тесную клетку человеческого тела.

Эма шла рядом, и Эсма видела, как мелко дрожат плечи младшей сестры под тонкой тканью платья.

Незаметным движением Эсма коснулась старинной изумрудной камеи, приколотой у собственного ворота. Точно такая же камея — парная семейная реликвия из дикого зелёного кварца — покоилась на груди Эмы. Тончайшая, невидимая даже для артефактов Коллегии «нить шёпота», которую Эсма привязала к камням ещё дома, натянулась, соединяя их дыхание.

«Не бойся, маленькая, — одними губами, без звука, выдохнула Эсма в гранёный камень. — Я рядом. Просто смотри на него и будь собой».

Эма вздрогнула, её пальцы легли на брошь у горла, и она благодарно, краешком губ, улыбнулась сестре.

Лорд Малком остановился перед высокой двустворчатой дверью, обитой потемневшей бронзой. У порога, скрестив руки на широкой груди, стоял плечистый мужчина с седеющим ёжиком волос и глубоким белым шрамом, рассекавшим левую бровь. При виде гостей начальник стражи — капитан Гаррет Торн — не поклонился, лишь смерил их тяжёлым, цепким взглядом человека, привыкшего ждать удара из-за

любого угла.

Из-за плотно притворённых створок донёсся глухой звон разбитого стекла, а следом — хриплый, сдавленный голос старика:

— Ваша светлость, прошу вас, не двигайтесь! Настойка сонного корня сейчас подействует...

— Убери свои руки, Корнелиус, — прозвучал в ответ другой голос. Низкий, сухой, надтреснутый от спазма в горле, но такой властный, что даже баронесса Агата замерла с полуоткрытым ртом. — От твоих пальцев несёт рунным пеплом за три шага. Вон. Все вон, кроме Гаррета.

Дверь распахнулась, и из зала, пятясь и прижимая к груди кожаную сумку с склянками, вышел сухопарый старик в очках с треснувшей левой линзой. От его долгополого одеяния несло грозовой гарью и горьким шалфеем. Наткнувшись в коридоре на Ювана, старый лекарь тяжело перевёл дух:

— Печать взбесилась из-за снежной бури над Источником, мальчик мой. Третий выброс за утро. Если эта южная барышня окажется такой же бесполезной, как прежние отвары...

— Достаточно, мастер Корнелиус, — мягко, но твёрдо оборвал его Малком Вейн и шагнул через порог, жестом приглашая дам следовать за ним.

Малый каминный зал тонул в багровом полумраке. Тяжёлые бархатные портьеры на стрельчатых окнах были наглухо задёрнуты, и единственным источником света служил

огромный очаг из дикого камня, в котором ревели берёзовые поленья. На ковре у письменного стола валялись осколки хрустального кубка и тёмные пятна пролитого вина, а на краю каминной полки тускло мерцали высокие песочные часы, внутри которых вместо песка медленно, крупица за крупицей, осыпался серебристо-чёрный эфирный пепел.

У широкого кресла перед огнём, опираясь одной рукой о каменный выступ камина, стоял герцог Дариан Рейн.

На нём была лишь растёгнутая у ворота белая рубашка тонкого полотна и тёмные бриджи для верховой езды; камзол был небрежно брошен на спинку кресла. Он был высок и широкоплеч, но сейчас всё его тело походило на туго натянутую тетиву перед разрывом. Чёрные пряди волос прилипли к влажному виску, резкие, скуластые черты лица заострились, а из-под распахнутого ворота рубашки, поднимаясь по шее к самому подбородку, под кожей проступали страшные тёмно-багровые, словно раскалённый уголь, ветвистые росчерки.

В зале стоял тяжёлый запах грозы и раскалённого железа. Браслеты на запястьях Эсмы мгновенно налились свинцовым жаром — проклятие герцога слепо металось по комнате, ища любую крупицу чужой магии, чтобы обратить её в новое пламя.

Дариан медленно повернул голову к вошедшим.

Его глаза — тёмные, почти чёрные в отблесках камина, с узким лихорадочным зрачком — ударили по гостям без те-

ни светской учтивости. В этом взгляде не было ни жалобы, ни мольбы о помощи; только холодная, выжженная до дна ярость человека, который ненавидит собственную немощь сильнее смерти.

— Я сказал — никого, Малком, — процедил Дариан. Каждое слово давалось ему с усилием, будто он глотал битое стекло, но осанку он держал с пугающей, каменной прямо-той. — Или ты решил устроить в моих покоях ярмарочный балаган перед тем, как занять регентское кресло?

— Полно тебе, Дариан, — с безупречным участием вздохнул лорд Вейн, ничуть не смутившись резкости племянника. — Прибыла твоя невеста, леди Эмеральда де Лавьер. Совет Родов скрепил предварительный сговор, и в твоём состоянии отвергать помощь...

— Мне не нужна жена для светских расшаркиваний, — оборвал его герцог, и багровые жилы на его шее вспыхнули ярче. Пальцы его правой руки до побелевших костяшек сжали камень каминной полки. — Пусть подойдёт. Одна. Остальные — за линию ковра.

Баронесса Агата судорожно вцепилась в локоть Эсмы, явно не горя желанием приближаться к человеку, от которого веяло жаром кузнечного горна. Сама Эсма замерла у дверей, чувствуя, как под перчатками обсидиан начинает мелко-мелко колоть кожу: сделай она хоть три шага к камину, и её маскировка не выдержит прямого столкновения с «Печатью Выгорания».

А Эма смотрела на герцога.

Эсма знала свою сестру девятнадцать лет и ожидала увидеть в её глазах ужас, отвращение к страшным багровым клеймам на его коже или привычную девичью робость. Но Эма не отшатнулась. Она смотрела на измученное, суровое лицо Дариана, на его сжатые челюсти и побелевшие пальцы — и в её лучистых глазах вдруг отразилось такое пронзительное, безоглядное сострадание, словно перед ней был не грозный владыка Северного предела, а раненый зверь из старой легенды, которого все предали и бросили в огненном капкане.

Не дожидаясь подталкиваний тётушки, Эма сама сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

Подол её светлого дорожного платья мягко прошуршал по каменным плитам, минуя границу ковра и осколки стекла. В дверях затаил дыхание старый мейстер Корнелиус, поправляя треснувшие очки; у стены напрягся, подавшись вперёд, капитан Гаррет, готовый перехватить господина, если приступ швырнёт того на колени.

Дариан смотрел на приближающуюся девушку сверху вниз, кривя пересохшие губы в жёсткой усмешке.

— Не боитесь обжечься, леди? — глухо бросил он, когда между ними осталось не больше шага. — Обычно столичные барышни падают в обморок ещё у порога. Протяните руку. Быстрее, у меня нет ни времени, ни терпения на девичьи жеманства.

Эма не ответила ни словом. Она быстро, почти порывисто сдернула со своей правой руки тонкую кружевную митенку и, прежде чем герцог успел подать ей ладонь, сама бережно накрыла своими прохладными, тонкими пальцами его сжатый кулак на каминном камне, а второй ладонью легко коснулась его обнажённого запястья, где под кожей билась багровая огненная жила.

В зале стало так тихо, что было слышно, как осыпается зола в камине.

Дариан резко, со свистом втянул воздух сквозь зубы — и замер.

Эсма, смотревшая на них сквозь прищуренные ресницы своим эфирным зрением, едва удержалась, чтобы не податься вперёд. Она ожидала, что отсутствие магии в Эме просто не даст проклятию новой пищи. Но произошло иное: там, где пальцы младшей сестры соприкоснулись с кожей герцога, рваная багровая паутина чар не просто отступила — она мгновенно, беззвучно погасла, словно раскалённый клинок опустили в глубокий чистый родник.

Огненные росчерки на шее и запястье Дариана побледнели, уходя под кожу серыми тенями. Сведённые судорогой плечи герцога дрогнули и медленно опустились; он впервые за это утро сделал глубокий, ровный вдох, в котором не было хрипа.

В дверях тихо, изумлённо выдохнул мейстер Корнелиус, подавшись всем корпусом вперёд, а Юван быстро перевёл

внимательный взгляд с рук Эмы на побелевшее лицо лорда Малкома Вейна. Советник больше не улыбался.

Дариан не отнимал руки целую минуту. Он стоял, прикрыв веки, впитывая эту внезапную, спасительную прохладу и тишину, которая впервые за долгие месяцы вытеснила из его висков невыносимый медный звон. Когда он наконец открыл глаза и посмотрел на стоящую перед ним девушку, лихорадочная пелена в его зрачках сменилась острым, цепким вниманием.

Его взгляд скользнул по её золотистым локонам, нежному изгибу шеи и остановился на распахнутых, полных влажного сияния глазах. Эма смотрела на него снизу вверх, забыв дышать, и щёки её пылали таким откровенным, восторженным румянцем, что ошибиться было невозможно: за эту минуту тишины у камина девятнадцатилетняя мечтательница успела без оглядки отдать мрачному герцогу своё сердце.

— Любопытно, — голос Дариана обрёл прежнюю сухую, ровную твёрдость, хотя он всё ещё не выпускал её пальцев. — Мейстер Корнелиус уверял меня, что полной эфирной глухоты в природе почти не встречается. Что вы чувствуете сейчас, леди Эмеральда?

Вопрос был простым, даже почти мягким по меркам человека, который минуту назад выгонял всех вон. Эме достаточно было сказать правду — что его кожа была горячее, как угли, и что она рада, если смогла забрать хоть малую часть его муки.

Но из угла у дверей тут же раздалось громкое, предупреждающее покашливание баронессы Агаты, а веер тётушки коротко стукнул по ладони — условный знак, вбитый в память младшей племянницы сотнями домашних наставлений: *«Не смей говорить от себя, держи светский тон!»*

Эма вздрогнула. Живое, искреннее тепло в её лице мгновенно сменилось привычным испугом перед экзаменом. Её плечи зажались, взгляд метнулся в сторону тётки и обратно к суровому лицу герцога, и она торопливо, неестественно звонким голосом произнесла фразу, вычитанную в каком-то старинном столичном альманахе:

— О, ваша светлость... я чувствую лишь великую честь находиться под сводами прославленного замка Вальдхорн! Ведь, как поётся в «Балладе о Серебряном Соколе», истинное благородство лорда согревает сердца верных вассалов ярче любого камина, а суровые скалы севера лишь подчёркивают величие... э-э... вашей доблести!

Она запнулась на полуслове, окончательно потеряв мысль под тяжёлым, немигающим взглядом Дариана, и виновато, по-кукольному улыбнулась, опуская ресницы ровно так, как учила тётушка Агата.

Эсма в тени у дверей беззвучно прикрыла глаза, сжимая кулаки в перчатках. *«Проклятье, Агата. Ты вылепила из живой девочки бездушную фарфоровую куклу».*

Перемена в лице Дариана произошла мгновенно.

Та тонкая нить живого интереса, что мелькнула в его тём-

ных глазах секунду назад, оборвалась и замёрзла. Его пальцы разжались, выпуская руку Эмы так небрежно, словно он отложил на каминную полку пустую склянку из-под лекарства, которое уже выполнило своё назначение.

Уголок губ герцога дрогнул в короткой, усталой и бесконечно циничной усмешке.

— «Баллада о Серебряном Соколе», — сухо повторил он, отворачиваясь к столу и беря чистый салфеточный плат, чтобы вытереть ладонь. — Разумеется. Я и забыл, чем пичкают юных девиц в провинциальных пансионах. Вы можете не утруждать себя заученными стихами, леди Эмеральда. В Вальдхорне не водятся менестрели, а от светского щебета у меня болит голова немногим меньше, чем от ведовства.

Эма побледнела. Улыбка сползла с её губ, а пальцы беззащитно сжали снятую кружевную митенку.

— Я... я не хотела утомить вас, ваша светлость, — прошептала она, и на её ресницах блеснула непрошенная влага, которую Дариан, стоявший к ней вполоборота, даже не потрудился заметить. — Я лишь думала...

— От вас не требуется думать, леди, — холодно и буднично отрезал Дариан, застёгивая пуговицу на манжете рубашки. Теперь, когда боль отступила, он говорил тоном военачальника, распределяющего обоз перед зимовкой. — От вас требуется находиться в этом замке, являться к вечернему чаю по моему зову и подавать руку, когда Печать выходит из берегов. За это род де Лавьер получит полное погашение

долгов по закладным, приличествующее содержание и герцогский титул в придачу. Сделка честная и не нуждается в романтической мишуре.

— Ох, ваша светлость, вы само великодушие! — радостно запричитала баронесса Агата, совершенно не заметив ледяного презрения в словах хозяина замка. — Моя Эмеральда — самое тихое, самое покорное создание на свете, она не доставит вам ни малейшего беспокойства!

Дариан даже не повернул головы в сторону баронессы, его скучающий взгляд скользнул поверх головы застывшей у камина Эмы — туда, где в полумраке у дверей стояли остальные.

— Ваша старшая сестра? — бросил он, остановив взгляд на тёмной фигуре Эсмы. — Надеюсь, в вашем семействе не принято декламировать баллады хором?

Баронесса Агата уже набрала в грудь воздуха, чтобы рассыпаться в новых заверениях, а Юван у стены едва заметно напрягся, зная нрав Эсмы лучше кого бы то ни было.

Но Эсма не опустила глаз. Она смотрела через весь зал прямо в холодные, насмешливые зрачки герцога, ощущая, как на её запястьях раскалённым свинцом тяжелеет лунное серебро, а в груди поднимается злой, холодный азарт игрока, которому бросили перчатку.

Она сделала плавный, безупречно выверенный реверанс — ровно настолько глубокий, чтобы соблюсти приличия, и достаточно сдержанный, чтобы он выглядел поклоном рав-

ного.

— Будьте покойны, ваша светлость, — её голос прозвучал негромко, чисто и с той едва уловимой бархатной иронией, от которой в комнате сразу изменился воздух. — Старшим сёстрам в обедневших родах некогда учить баллады — нам приходится считать проценты по закладным и следить, чтобы редкие лекарства не путали с дешёвой мишурой. Ведь даже самый прославленный полководец рискует проиграть битву, если привыкнет судить о клинке только по узору на ножнах.

В зале стало слышно, как потрескивает смола в камине.

Тётушка Агата издала сдавленный писк и в ужасе прижала пухлые ладони к щекам. Лорд Малком Вейн медленно повернул голову к старшей из сестёр, и его бесцветные глаза сузились в две узкие щёлочки.

А Дариан Рейн замер с поднятой у ворота рукой.

Он не разозлился. Напротив — скука и брезгливая усталость слетели с его резкого лица, уступив место острому, хищному прищурю человека, который среди груды стекляшек внезапно наткнулся на лезвие. Он медленно смерил Эсму взглядом с головы до ног, задерживаясь на её прямой спине, спокойном развороте плеч и изумрудных глазах, которые смотрели на него из полумрака без тени страха или заискивания.

— О клинках я знаю достаточно, леди... Эсмеральда, — произнёс он медленно, пробуя её имя на вкус, словно терп-

кое северное вино. — И первое правило гласит: в ножнах, украшенных для парада, редко прячут настоящую сталь. Вы свободны. Все. Малком, распорядись разместить гостей в Южном гостевом крыле. К ужину я жду леди Эмеральду.

Он развернулся к камину, давая понять, что аудиенция окончена.

Когда тяжёлые двери зала закрылись за их спинами и процессия двинулась обратно по длинной галерее со свечами, баронесса Агата зашипела на старшую племянницу коршуном, едва они отстали от шагающего впереди лорда Вейна:

— Ты рехнулась, негодная девчонка?! Дерзить герцогу Рейну в первую же минуту! Да если бы Эмеральда не сняла его приступ своими ручками, мы бы уже летели с этого утёса обратно в снег!

— Его светлость запомнил нас обеих, тётушка, — сухо отозвалась Эсма, не глядя на баронессу. — А с людьми его породы нет ничего опаснее, чем слиться с обоями.

Она придержала шаг, пропуская вперёд пыхтящую Агату, и взяла под локоть Эму. Пальцы младшей сестры были ледяными, но, когда Эсма заглянула ей в лицо, она с удивлением увидела, что Эма не плачет. Девушка шла, прижимая к груди скомканную митенку, и смотрела перед собой туманным, замороженным взглядом.

— Эма, — тихо позвала Эсма, наклоняясь к её уху. — Прости меня. Он грубый, заносчивый дикарь, избалованный властью. Если ты не хочешь оставаться здесь...

— Что ты, Эсма! — горячо, прерывистым шёпотом перебила её младшая сестра, и её пальцы крепко сжали запястье Эсмы прямо поверх спрятанного браслета. — Ты видела его глаза, когда боль ушла? Он вовсе не злой... он просто измучен так, что больше никому не верит! Когда я коснулась его руки, мне показалось, будто внутри него гаснет огромный чёрный костёр. Это я сама виновата — растерялась, наговорила глупостей из старой книжки, вот он и подумал, что я пустая кукла... Ох, Эсма, если бы я только умела говорить так умно и смело, как ты!

Эсма остановилась посреди каменного перехода, глядя в сияющие, полные беззащитной нежности глаза сестры. Эма не шутила и не утешала себя — она действительно влюбилась в этого мрачного человека со шрамами выгорания на шее. Влюбилась с той тихой, пугающей обречённостью, с какой южные цветы тянутся к первому весеннему солнцу, не зная, что за ним ударит мороз.

Позади них раздались неторопливые шаги. Юван, замыкавший шествие, поравнялся с сёстрами под сводом стрельчатой арки, пока лорд Малком и баронесса Агата сворачивали на лестницу гостевого крыла.

— Вы обронули перчатку у дверей каминного зала, леди Эсмеральда, — негромко произнёс артефактор, протягивая Эсме вовсе не перчатку, а сложенный вчетверо узкий листок плотной чертёжной бумаги.

Его взгляд скользнул по раздумывавшемуся, взволнован-

ному лицу Эмы и задержался на ней с неожиданной, бережной теплотой и лёгкой грустью.

— В Вальдхорне сквозняки гуляют по всем переходам, леди Эмеральда, — мягко добавил он, обращаясь к младшей сестре совсем иным, тёплым и спокойным тоном, в котором не было ни капли придворного холода. — Но если свернуть из южной галереи к Часовой башне, там есть старая зимняя оранжерея над тёплым разломом. Там не бывает ветра, и даже в октябре цветут белые первоцветы. Если захотите перевести дух от наших угрюмых стен — загляните туда до заката.

Эма удивлённо подняла на него ресницы и впервые за весь день улыбнулась без страха и заученного жеманства — тихо, благодарно и светло.

— Спасибо вам, мейстер Юван. Я непременно найду её.

Когда младшая сестра поспешила вверх по ступеням на оклик нетерпеливой тётушки, Юван на секунду задержался рядом с Эсмой. Его тонкие пальцы с едва заметными следами серебряного припоя у ногтей легко, почти невесомо коснулись её запястья сквозь ткань рукава — и Эсма почувствовала, как сквозь замшу проступает сухой жар треснувшего изнутри камня.

— Левый обсидиан дал трещину ещё в дверях, Эсма, — очень тихо, одними губами сказал он, и в его янтарных глазах не осталось ни тени улыбки. — Проклятие на герцоге — не природный откат Источника. Это рукотворная «Печать

Выгорания», сплетённая на крови и вывернутом резонансе. И если ты вздумаешь снова играть с ним в гляделки, к полуночи серебро расплавится прямо на твоей коже.

— Значит, к полуночи тебе придётся выковать мне новое, — так же тихо ответила Эсма, пряча его записку в рукав и глядя вслед удаляющейся фигурке сестры. Пальцы её другой руки легли на холодную грань изумрудной камеи у ворота. — Жди меня в мастерской после отбоя, Юван. А за ужином его светлость услышит от своей невесты совсем другие слова.

Глава 2. Нить шёпота

В Малой трапезной Северного крыла пахло жареным вересковым мясом, старым дубом и холодным воском. Высокие стрельчатые окна выходили на внутренний обрыв, и сквозь тяжёлое свинцовое переплетение стёкол было видно, как внизу, в черноте ущелья, глухо ворочается под ледяной коркой горное озеро.

Эсма сидела на три кресла левее младшей сестры, у самого края длинного стола из мореного дуба, где свет жирандолей почти тонул в глубоких тенях гобеленов. По законам придворного чина сопровождающей родственнице без собственного титула полагалось место у нижнего конца, рядом с домашним архивариусом или младшим секретарём, и сегодня это правило играло Эсме на руку. Отсюда она видела весь стол как на ладони: сутулую, замершую в подобострастном поклоне спину писца Титуса у буфета, грузный профиль баронессы Агаты в лиловом чепце, невозмутимую седую голову лорда Малкома Вейна — и пустующее резное кресло во главе стола.

Перед самой Эмой стоял кубок с нетронутой ключевой водой. На её груди, в ложбинке у выреза светло-голубого бархатного платья, тускло поблёскивала старинная камешка из дикого зелёного кварца.

Пальцы Эсмы под столом лежали на складках её собствен-

ной тёмной юбки, а большим пальцем правой руки она легко, почти неощутимо поглаживала гранёный ободок второй такой же броши, скрытой под кружевным воротником. Между двумя камнями, сквозь сухой, наэлектризованный воздух трапезной, тянулась тончайшая, не толще паутинки, изумрудная нить. Ни один артефакт Коллегии не уловил бы её колебаний: Эсма не влиwała в камень новую силу, она лишь натянула старую родовую связь, вплетённую в кварц ещё их мать, и настроила её, словно струну виолы.

— Ты только посмотри на этот сервиз, Эмеральда, — зашептала через стол баронесса Агата, косясь на тяжёлые серебряные блюда с гербом Рейнов — коронованным вороном над разломом. — Чеканка старых мастеров Аурелии! Одна такая соусница стоит больше, чем вся наша конюшня вместе с каретой. Умоляю тебя, детка, когда войдёт его светлость, не вздумай снова нести околесицу про соколов. Ешь маленькими кусочками, хвали северную форель и соглашайся со всем, что скажет лорд Вейн.

Эма едва заметно кивнула. Её пальцы, сжимавшие льняную салфетку на коленях, побелели.

— Я постараюсь, тётушка, — одними губами ответила она и быстро, украдкой бросила взгляд вдоль стола на старшую сестру.

«Разожми пальцы, маленькая, иначе уронишь вилку, — мягко скользнул голос Эсмы прямо под воротником Эмы, лёгкий, точно шорох шёлка у самого уха. *— Вдохни глубже.*

И не вздумай хвалить форе́ль — Дариан Рейн терпеть не может, когда ему льстят за кусок рыбы».

Уголки губ Эмы чуть дрогнули. Она послушно разжала ладони, разглаживая салфетку, и в этот миг высокие створки дверей в глубине зала распахнулись.

Первым вошёл капитан Гаррет Торн и молча занял место у притолоки, сложив руки на рукояти широкого пехотного палаша. Следом за ним в трапезную шагнул герцог.

После дневного приступа Дариан сменил распахнутую рубашку на глухой чёрный сюртук военного кроя с высоким стоячим воротником, шитым тусклым серебром. Воротник полностью скрывал багровые росчерки Печати на шее, но не мог скрыть землистой бледности у висков и той особой, выверенной до дюйма жёсткости в движениях, с какой ходят люди, привыкшие носить собственное тело как раскалённый панцирь.

Все поднялись.

— Прошу садиться, — сухо бросил Дариан, не глядя на склонившихся гостей, и опустился в кресло во главе стола. Когда лакей потянулся было налить ему красного вина, герцог коротким движением двух пальцев остановил его. — Воды. Со льдом.

Он отпил глоток, поставил тяжёлый кубок на скатерть и впервые за вечер обвёл взглядом присутствующих. Его тёмные глаза вскользь коснулись Эсмы на дальнем конце стола — задержались на долю секунды, словно проверяя, на месте

ли вчерашний противник, — и переместились на Эму, сидевшую по правую руку от него.

— Надеюсь, гостевое крыло показалось вам достаточно тёплым, леди Эмеральда? — произнёс он ровным, ничего не выражающим тоном. — И сквозняки Вальдхорна не выветрили из вашей памяти остатки столичных баллад?

Это был откровенный, ленивый укол. Баронесса Агата тут же подалась вперёд, расплываясь в угодливой улыбке, а лорд Малком Вейн с мягким сочувствием посмотрел на юную невесту, явно ожидая очередного наивного лепета.

Эма вздрогнула от холодной насмешки в голосе жениха. Её ресницы дрогнули, готовые опуститься, а губы приоткрылись, чтобы прошептать привычное извинение.

Но под её ключицей едва ощутимо кольнул зелёный кварц.

«Не опускай глаза, — чётко, слово за словом, прошелестела в её ухе Эсма, глядя сквозь пламя свечи на профиль герцога. — Скажи ему: "Баллады хороши для тёплых гостиных Аурелии, ваша светлость. А в замке, где вместо магических ламп жгут смолу и воск, стихи быстро уступают место трезвому взгляду"».

Эма замерла на миг, вслушиваясь в незримый голос сестры, а затем подняла на Дариана свои огромные, чистые глаза и негромко, но удивительно отчётливо повторила:

— Баллады хороши для тёплых гостиных Аурелии, ваша светлость. А в замке, где вместо магических ламп жгут смолу

и воск, стихи быстро уступают место трезвому взгляду.

Вилка в пухлой руке баронессы Агаты застыла на полпути ко рту.

Дариан, уже собиравшийся повернуться к дяде, медленно наклонил голову к правому плечу. В его тёмных зрачках мелькнуло острое, недоверчивое удивление. Он внимательно посмотрел на нежное, залитое лёгким румянцем лицо Эмы — на её мягкие губы, которые только что произнесли фразу с такой сухой и точной сталью, какой никак нельзя было ожидать от утренней провинциалки.

— Вот как? — негромко переспросил герцог, опираясь локтем о подлокотник кресла. — И что же открылось вашему трезвому взгляду за те четыре часа, что вы провели под моей крышей?

— Что стены здесь строят не для красоты, а для обороны, — тут же подсказала Эсма по нити, и Эма, чуть осмелев от того, что герцог больше не смотрит на неё как на пустое место, мягко произнесла эти слова вслух, добавив уже от себя тихое, почти печальное: — И что в этих стенах слишком давно не слышали обычного человеческого голоса... без страха и без расчёта.

Поправка была совсем не по правилам Эсмы — слишком открытая, слишком беззащитная, — но именно от этой последней фразы пальцы Дариана на ножке кубка едва заметно сжались.

Он ничего не ответил, но не отвёл взгляда от лица неве-

сты ещё несколько долгих ударов сердца. А вот лорд Малком Вейн, сидевший напротив, плавно отложил нож и промокнул губы салфеткой. Его холодные глаза сощурились.

— Молодость всегда склонна искать поэзию даже в суровой необходимости, не так ли, дорогой Дариан? — мягко вмешался советник, перехватывая разговор. — К слову о необходимости. Сегодня утром гонец из столицы доставил депешу от Совета Коллегии. Лорд-канцлер вновь осведомляется, намерен ли Северный предел открыть доступ королевским ревизорам к нижним ярусам Источника. Разумеется, я уже подготовил черновик вежливого согласия, чтобы не раздражать корону в столь шаткое время...

— Ты подготовил черновик капитуляции, Малком, — холодно поправил его Дариан, и в его голосе мгновенно прорезался металл бывшего командующего Северной армией. — Пустить ревизоров Коллегии к разлому Вальдхорна — значит позволить столичным Прядильщикам наложить лапу на единственную жилу эфира, которая не подчиняется Аурелии.

— Но, племянник, твоё здоровье... — с отеческой скорбью развёл руками Вейн. — В столице ходят слухи, что Источник под замком нестабилен из-за твоего недуга. Даже леди Селестина Морган в своём последнем письме выражала глубокую тревогу за твою безопасность и намеревалась лично навестить нас на следующей неделе, чтобы засвидетельствовать своё почтение перед помолвкой.

При имени Селестины Морган по скуле Дариана пробежала жёсткая тень, а в воздухе над столом снова едва уловимо запахло сухим пеплом и раскалённой медью. Герцог подавил короткий спазм в горле, не позволив себе даже поморщиться.

— Селестина может беречь свои тревоги для столичных салонов, — отрезал он. — А в Вальдхорне ей делать нечего.

— Ох, леди Селестина Морган! — не удержалась баронесса Агата, молитвенно сложив руки у груди. — Блистательная чародейка, первая звезда двора! Какая честь, если она почтит своим присутствием скромный семейный круг! Правда, Эмеральда? Ты ведь столько слышала в пансионе о её великолепных огненных венцах!

Малком Вейн чуть повернул голову к Эме, и в его вкрадчивом голосе прозвучала тонкая, почти незаметная ловушка:

— В самом деле, леди Эмеральда. А что вы думаете о приезде леди Морган и о том, стоит ли нам ссориться с Высшей Коллегией из-за старых камней под замком? Говорят, женское сердце чувствует мир лучше, чем сухие умы политиков.

Вопрос был рассчитан безупречно. Если Эма сейчас подетски восхитится столичной львицей или поддержит уступчивость Малкома — Дариан окончательно утвердится в мысли, что его будущая жена глупа и легковерна. Если же она грубо выступит против Коллегии — Малком получит повод обвинить южную семью в неуважении к короне.

Эсма на дальнем конце стола чуть прищурилась, глядя на седовласого советника. *«Ах ты старый лис. Проверяешь, насколько легко будет вертеть будущей герцогиней, когда Дариан сляжет окончательно».*

Она коснулась зелёного камня у горла, и её пальцы быстро, властно послали импульс по нити.

«Слушай меня внимательно, Эма. Повернись к Малкому и скажи: "В нашем Изумрудном Логу нет великих Источников, милорд Вейн, но даже садовник знает: если сосед слишком настойчиво просит ключи от твоего колодца, чтобы проверить чистоту воды, — значит, он собирается отвести русло в свой сад. А гостям со своим огнём не стоит приходить в дом, где хозяин ценит прохладу"».

Эма сидела неподвижно, глядя на серебряный край своей тарелки. От двойного напряжения — тяжёлого взгляда Дариана справа и выжидательной улыбки Малкома напротив — у неё мелко билась жилка на тонкой шее. Она глубоко вздохнула и начала повторять фразу сестры.

— В нашем Изумрудном Логу нет великих Источников, милорд Вейн, — её голос сначала звучал тихо и чуть скованно, словно она шла по тонкому льду, — но даже садовник знает: если сосед слишком настойчиво просит ключи от твоего колодца, чтобы проверить чистоту воды, — значит, он собирается отвести русло в свой сад...

Она сделала крошечную паузу, переводя дыхание, и подняла глаза прямо на Дариана. В её взгляде не было той хо-

лодной политической насмешки, которую вкладывала в слова Эсма, — в нём светилась тихая, горячая преданность, от которой чужие, колкие слова вдруг прозвучали совсем иначе:

— А гостям со своим огнём не стоит приходить в дом, где хозяину больно от жара.

Концовку она снова изменила по-своему — проще, мягче и прямо в больное место.

В трапезной воцарилось молчание. У буфета писец Титус от неожиданности выронил серебряные щипцы для сахара, и они тонко звякнули о поднос.

Лорд Малком Вейн медленно откинулся на спинку стула. Улыбка не сошла с его лица, но пальцы, лежавшие на скатерти, подобрались. Он посмотрел на Эму, затем — словно по наитию — скользнул быстрым, цепким взглядом вдоль стола, туда, где в полумраке у нижнего края спокойно пила воду старшая сестра с непроницаемым лицом.

А Дариан Рейн смотрел на Эму в упор.

В его тёмных глазах боролись озадаченность и странное, острое притяжение. Смысл притчи о колодце принадлежал человеку с холодным, аналитическим умом игрока — тому самому уму, который сегодня днём блеснул в ответе старшей сестры про клинок и ножны. Но глаза Эмы, полные живого, нежного тепла, смотрели на него без всякого двойного дна. Этот диссонанс между острым, почти циничным расчётом в словах и беззащитной искренностью во взгляде ставил иску-

шённому герцогу в тупик.

Внезапно пламя свечей в канделябрах возле Дариана дрогнуло и вытянулось вверх тонкими синеватыми язычками.

От напряжения и подавленного гнева при упоминании Коллегии и Селестины «Печать Выгорания» под его воротником снова шевельнулась. Никто за столом ещё не успел заметить перемену, кроме капитана Гаррета у дверей да самой Эсмы, чьи браслеты под рукавами предупреждающе потеплели. Но Дариан уже сжал челюсти, а на его скулах выступили жёсткие желваки; пальцы правой руки, лежавшей на скатерти возле прибора Эмы, непроизвольно свело судорогой.

Эма заметила это раньше всех.

В этот раз ей не понадобилась ни единая подсказка по нити. Забыв об этикете, о строгих взглядах тётушки и о присутствии советника, она просто протянула руку под краем широкого кружевного рукава и легко, невесомо накрыла своими прохладными пальцами сжатую кисть герцога на белой скатерти.

Дариан вздрогнул, будто от удара током, и резко повернул к ней лицо.

На секунду показалось, что он сейчас одёрнет руку — слишком глубоко въелась в него привычка прятать свою уязвимость от чужих глаз. Но спасительная, чистая прохлада, хлынувшая от ладони девушки, мгновенно погасила закипающий под кожей свинец. Синеватый отблеск на свечах ис-

чез; звон в висках оборвался, оставив после себя глубокую, целительную тишину.

Герцог не убрал руку. Напротив — его пальцы медленно разжались и на миг, почти грубовато в своей сдержанности, переплелись с тонкими пальцами Эмы, удерживая её ладонь на скатерти.

— Благодарю, леди Эмеральда, — негромко произнёс он, и впервые за весь день в его сухом голосе не было ни капли яда. — Пожалуй, в Изумрудном Логу действительно неплохо разбираются в источниках. Малком, отправь гонца обратно в Аурелию завтра на рассвете. Ревизоров Коллегии на порог Вальдхорна не пускать. А леди Морган отпиши, что перевалы закрыты из-за ранних снегопадов.

— Как прикажешь, ваша светлость, — безукоризненно склонил голову лорд Вейн, хотя в глубине его зрачков промелькнула холодная, злая искра.

Остаток ужина прошёл в сдержанном молчании, но когда сёстры наконец вернулись в свои покои в Южном крыле и за баронессой Агатой, отправившейся спать с чувством выполненного долга, закрылась дверь соседней спальни, силы окончательно оставили Эму.

Едва горничная Марта — бойкая круглолицая девушка с быстрыми карими глазами — помогла младшей барышне расшнуровать корсаж и вышла за тёплой водой для умывания, Эма без сил опустилась на низкую скамеечку перед камином и закрыла лицо ладонями.

— Эсма, я больше не выдержу, — глухо прошептала она сквозь пальцы. Плечи её мелко дрожали от пережитого за вечер напряжения. — Когда лорд Вейн посмотрел на меня за столом, у меня внутри всё похолодело! А Дариан... он смотрел так пристально, будто видел насквозь, что это не мои слова. Я чувствовала себя лгуньей, Эсма. Жалкой сорокой в чужих павлиньих перьях!

Эсма опустилась перед сестрой на колени прямо на ковёр, взяла её дрожащие ладони в свои и крепко сжала.

— Посмотри на меня, Эма, — твёрдо сказала она. — Ты не сорока. Последнюю фразу про огонь и хозяина дома придумала ты сама — и именно после неё он отдал приказ выставить вон столичную чародейку. А когда у него начался приступ, ты взяла его за руку прежде, чем я успела хотя бы подумать об этом.

— Но он слушал меня только потому, что ты подсказывала мне про колодец и садовника! — в отчаянии возразила Эма, поднимая на сестру полные слёз глаза. — Завтра он заговорит со мной на прогулке или в галерее, где тебя не будет рядом, и сразу поймёт, что я ничего не смыслю ни в политике Коллегии, ни в северных границах! Он снова посмотрит на меня так, как сегодня днём... словно я пустая склянка из-под лекарства!

В голосе младшей сестры звучала такая неподдельная мука, что у Эсмы перехватило горло. Она знала этот взгляд: за девятнадцать лет Эма никогда ни о чём не просила для себя

— она безропотно сносила попреки тётки, скудость их разорившегося дома и насмешки соседских дворянок над «немой бесприданницей». И теперь, когда эта чистая, нежная душа впервые потянулась к человеку, тот смел мерить её своим столичным высокомерием.

— Не посмотрит, — тихо, но с железной решимостью произнесла Эсма, отводя со лба сестры золотистую прядь. — Обещаю тебе, маленькая. Пока ты будешь привыкать к этому замку и учиться не бояться его взгляда, моя нить всегда будет с тобой. Мы заставим его светлость уважать тебя прежде, чем он поймёт, кто ведёт партию. А с его проклятием я разберусь сама.

— Что ты задумала, Эсма? — испуганно прошептала Эма, заметив, как старшая сестра поднимается и накидывает на плечи тёмную шерстяную шаль. — Уже почти полночь! Если стража лорда Вейна заметит тебя в коридорах...

— Стража лорда Вейна смотрит на двери, а не на старые переходы для прислуги, о которых мне уже успела выболтать наша разговорчивая Марта, — усмехнулась Эсма, доставая из рукава сложенный вчетверо листок чертёжной бумаги, переданный Юваном. На листке углём была набросана короткая схема винтовой лестницы у Часовой башни. — Ложись спать и запри дверь на засов изнутри. До рассвета я вернусь.

Часовая башня примыкала к восточному стыку стен, где старая кладка времён Первых Источников переходила в узкие стрельчатые галереи архива. Когда Эсма, бесшумно сту-

пая в мягких сафьяновых туфлях по каменным ступеням, поднялась на верхнюю площадку и толкнула тяжёлую окovanную железом дверь, на неё пахнуло сухим теплом плавильного горна, канифолью, старым пергаментом и горной лавандой.

Мастерская под башней напоминала внутренности гигантского часового механизма. Под сводчатым потолком медленно вращались бронзовые шестерни маятника, отмеряя секунды гулким, размеренным тиканьем. На длинных верстаках громоздились шлифовальные линзы, мотки тончайшей серебряной проволоки, необработанные друзья горного хрусталя и россыпи чёрного обсидиана, а в углу, над жаровней с синим алхимическим углём, склонился Юван.

Он был без суконной куртки, в одной льняной рубашке с закатанными по локоть рукавами. Отблески синего пламени скользили по его сосредоточенному лицу, мягко очерчивая линию скул и тёплый прищур янтарных глаз.

Услышав скрип двери, он обернулся и отложил ювелирные щипцы.

— Ты опоздала на четверть часа, — негромко сказал он, но в его голосе не было упрёка — только глубокий, едва заметный выдох облегчения от того, что она добралась благополучно. — Мейстер Корнелиус ушёл к себе в башню полчаса назад, но патруль Гаррета проходит по нижней галерее каждые сорок минут. Закрой засов и иди сюда.

Эсма задвинула тяжёлую железную щеколду, сбросила с

плеч шаль и подошла к верстаку.

— Ужин затянулся, — ответила она, стягивая с рук тонкие замшевые перчатки и бросая их на стол рядом с чертежами. — Его светлость изволил проверять остроумие невесты, а лорд Малком пытался заманить её в политический капкан. Пришлось немного поработать суфлёром.

Юван внимательно посмотрел на неё — тем своим долгим, спокойным взглядом, от которого у Эсмы всегда возникало неловкое ощущение, будто все её хитроумные построения сделаны из прозрачного стекла.

— Значит, притча про садовника и соседский колодец, о которой уже шепчется прислуга на кухне, — твоих рук дело? — он покачал головой, и в уголках его губ мелькнула грустная, понимающая усмешка. — Ты хоть понимаешь, с каким огнём играешь, Эсма? Дариан Рейн — не провинциальный барон на ярмарке в Аурелии. Он три года возглавлял тайный сыск Северного предела, прежде чем Селестина и болезнь заперли его в этих стенах. Он раскусит твой шёпот быстрее, чем ты успеешь сплести вторую фразу.

— Не раскусит, если ты починешь мне затвор, — отрезала Эсма, хотя внутри у неё неприятно кольнуло от правоты его слов. Она протянула к свету жаровни левую руку. — Снимай. Он жжёт кожу с самого вечера.

Юван не стал спорить. Он пододвинул к ней высокий табурет, сел напротив и бережно, но уверенно обхватил её запястье своими тёплыми, сухими пальцами.

Когда он поддел тонким серебряным ключом скрытый замок браслета и разомкнул обсидиановые дуги, по мастерской словно пробежал порыв весеннего ветра. Сдержанный в течение всего дня дар Эсмы вырвался наружу: в воздухе вокруг её пальцев задрожали, переливаясь холодным изумрудным свечением, десятки тончайших эфирных нитей, а пламя в жаровне качнулось и запело высоким, чистым звоном.

Эсма с наслаждением повела затёкшими плечами и глубоко вдохнула, чувствуя, как к кончикам пальцев возвращается привычная лёгкость и острота восприятия.

Но стоило ей опустить взгляд на собственное запястье, как улыбка сошла с её губ. На внутренней стороне руки, там, где к коже прилежала треснувшая пластина чёрного обсидиана, алел свежий, узкий след ожога.

Пальцы Ювана замерли. Его лицо мгновенно потеряло всякую мягкость; скулы напряглись, а в янтарных глазах полыхнула тёмная, глухая боль, которую он даже не попытался скрыть за шуткой.

Не говоря ни слова, он взял со стола баночку с прохладной заживляющей мазью на травах, набрал немного на кончик пальца и осторожно, с такой бережной нежностью, словно прикасался к живому крылу бабочки, провёл по обожжённой полоске кожи на её пульсе.

От этого прикосновения Эсма вдруг смешалась. Нахальная ирония, которой она легко отбивалась от баронессы Агаты, лорда Малкома и самого герцога, почему-то застревала в

горле, когда Юван смотрел на неё вот так — молча, близко, склонив русую голову над её ладонью.

— Пустяки, — торопливо сказала она, пытаюсь освободить руку, но Юван не разжал пальцев, удерживая её запястье в своей ладони. — Камень просто перегрелся в каминном зале, когда у Дариана начался выброс.

— Камень перегрелся не только от его выброса, Эсма, — тихо и очень серьёзно произнёс Юван, поднимая на неё глаза. — Браслеты Лунного Затвора настроены на твой пульс. Они дают трещину изнутри только тогда, когда ты сама впускаешь в кровь азарт и тянешься к чужому эфиру. Зачем ты вступила с ним в спор сегодня днём? Тебе нужно было просто промолчать за спиной сестры.

— Он унизил Эму при всех! — вспыхнула Эсма, и изумрудные искры вокруг её плеч упруго натянулись. — Он вытер руку салфеткой после её прикосновения, словно она подала ему грязную тряпку, хотя секунду назад только её ладонь спасла его от удушья! Ты хотел, чтобы я стояла у порога и кротко хлопала ресницами, пока этот высокомерный сноб вытирает ноги о мою сестру?!

— Я хочу, чтобы ты осталась жива, — ровно ответил Юван, не повышая голоса, и именно от этой тихой прямооты внутри у Эсмы всё сжалось. — И чтобы ты не врала хотя бы мне. Ты защищала Эму — да. Но когда ты заговорила с ним о клинках и ножнах, ты хотела, чтобы он увидел *тебя*.

Эсма резко выдернула руку из его пальцев и встала с табу-

рета, отходя к краю верстака, где на подставках лежали старые архивные свитки.

— Ты слишком долго сидел среди своих линз и кристаллов, Юван, — холодно бросила она, поворачиваясь к нему спиной и делая вид, что изучает чертёж на столе. — Единственное, чего я хочу от герцога Рейна, — это чтобы он подписал брачный контракт, сделал Эму полноправной хозяйкой Вальдхорна и не издох от собственного проклятия прежде, чем высохнут чернила. Кстати, об этом. Ты писал в записке, что Печать на нём — рукотворная. Откуда ты это знаешь?

Юван несколько секунд молча смотрел на её прямую, упрямую спину. Затем тихо вздохнул, принимая правила её игры, и подошёл к соседнему столу, где под стеклянным колпаком лежал почерневший, сплюснутый кусок серебряной оправы.

— Три дня назад мейстер Корнелиус пытался наложить на грудь Дариана сдерживающий рунный контур по старым чертежам Коллегии, — заговорил Юван уже дельным, сосредоточенным тоном мастера. — Контур разорвало за полминуты — видишь, во что превратилось серебро? Но пока металл плавился, на нём отпечатался обратный слепок чар. Посмотри сюда своим зрением, Эсма. Обычный целитель видит здесь только хаотичный ожог. А что видишь ты?

Эсма наклонилась над стеклянным колпаком, прищурившись и отпуская на волю своё тонкое восприятие Плетель-

щицы.

На первый взгляд оплавленный металл казался мёртвым. Но стоило ей сосредоточиться, как над почерневшим серебром проступил призрачный, едва различимый геометрический узор — сложнейшая многослойная петля из перекрученных багровых и чёрных нитей, завязанных в тугой, самозатягивающийся узел.

Эсма медленно выпрямилась. Лицо её стало серьёзным.

— Вывернутый Резонанс, — прошептала она, узнавая запретное плетение, о котором в закрытых трактатах писали лишь вскользь. — Чара не выжигает его снаружи. Она привязана к его собственному магическому ядру и к Сердцу Источника под замком. Каждый раз, когда рядом с ним звучит чужая ворожба, этот узел принимает её за топливо и затягивает петлю туже, заставляя собственный дар Дариана сжигать его изнутри.

— Именно, — кивнул Юван, доставая из-под сукна новую пару браслетов из более толстого, матового серебра с двойными пластинами обсидиана и укладывая их перед ней. — И самое скверное не это. Такой узел невозможно набросить издалека или в бою. Чтобы привязать «Печать Выгорания» к крови герцога и к подземному разлому, тот, кто это сделал, должен был иметь прямой доступ к родовому алтарю Вальдхорна.

Эсма медленно подняла глаза на артефактора. В мерном тиканье башенных часов над их головами её мысль сложи-

лась в чёткую, ледяную картину.

— Доступ к родовому алтарю имеют только кровные Рейны и невеста, с которой обменялись малым кольцом помолвки, — произнесла она. — Леди Селестина Морган и лорд Малком Вейн. Бывшая невеста, чью гордыню растоптали отказом, и заботливый дядюшка, который ждёт не дожждётся регентской печати.

— И это ещё не всё, — Юван взял новые браслеты и, снова подойдя к Эсме, застегнул тяжёлое холодное серебро на её запястьях; на этот раз затвор щёлкнул глухо и надёжно, мгновенно гася изумрудное свечение вокруг её рук. — Узел подпитывают прямо сейчас, изнутри замка. Кто-то в Вальдхорне регулярно сбрасывает в Источник резонирующие кристаллы, чтобы приступы учащались. Если мы попытаемся рассечь эту Печать обычным контрзаклинанием, она просто проглотит наш удар и сожжёт сердце Дариана за один миг.

— Значит, мне нужно найти первичные хроники Источника и схему самого плетения, — глаза Эсмы загорелись тем самым холодным, неудержимым огнём охотника, который Юван знал и любил в ней больше всего — и которого больше всего боялся. — Где хранятся старые гримуары рода Рейн?

— В Верхней Библиотеке, на третьем ярусе Северного крыла, — ответил Юван, нахмурившись. — Но ночью туда не ходят даже стражники Гаррета. Это территория самого герцога: когда приступы не дают ему спать, он бродит там до самого утра. Не смей соваться туда ночью, Эсма. Я сам

перепишу для тебя нужные каталоги днём, через мастера Корнелиуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.